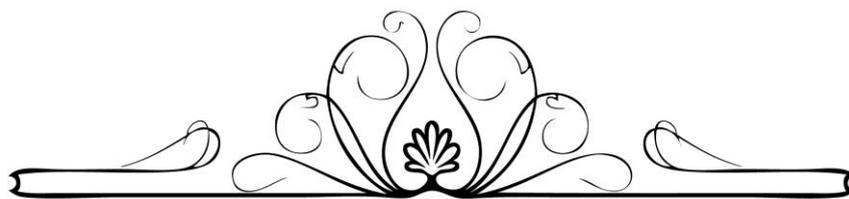

В. В. Борисова
Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы

Научная школа
Р. Г. Назирова

Имя Р. Г. Назирова хорошо известно как в отечественном, так и в зарубежном достоевсковедении, хотя надо иметь в виду, что его «достоевсковедческое наследие до сих пор введено в научный оборот едва ли наполовину»¹. Сознвая огромное значение исследовательской деятельности ученого, его идеи продуктивно развивают последователи.

Ныне они успешно продолжают дело своего учителя: издаются его монографии и статьи, неопубликованные при жизни; создан электронный журнал «Назировский архив»², который становится ярким явлением современной литературоведческой жизни; организуется международная конференция, посвященная 80-летию Р. Г. Назирова; его методология реализуется во многих докторских, кандидатских и магистерских диссертациях.

Можно сказать, что парадоксальным образом научная роль выдающегося исследователя, при жизни, возможно, недооцененная, возросла после его кончины. Тем не менее, в полной мере она еще не осознается. «Степень включённости трудов Р. Г. Назирова в научный оборот не соответствует масштабу его личности»³. Нам бы хотелось восполнить этот пробел.

Судьба Р. Г. Назирова типична для поколения литературоведов, сформировавшихся в советское время. Его становление как ученого пришлось на середину XX столетия. Из-за репрессированного в 1938 году отца, министра культуры Башкирской АССР, реабилитированного посмертно только в 1957 году, в Ленинградский педагогический институт им. А. И. Герцена Ромэна Гафановича не приняли. Филологическое образование он получил в Башкирском государственном педагогическом институте им. К. А. Тимирязева, продолжив его в аспирантуре при кафедре русской литературы МГУ.

Защищенная им в 1966 году кандидатская диссертация «Социальная и этическая проблематика произведений Ф. М. Достоевского 1859-1866 годов» до сих пор остается непревзойденным историко-литературным исследованием. Это новаторская и в высшей степени оригинальная работа, в которой доказывается, например, что автор «Записок из подполья» создал лучший в мире портрет

¹ Шаулов С. С. «Назировский» Достоевский // Назировский сборник: исследования и материалы / под ред. С. С. Шаулова. Уфа: Издательство БГПУ, 2011. С. 17.

² <http://www.nevmenandr.net/nazirov/journal.php>

³ Орехов Б. В. Р. Г. Назиров. О мифологии и литературе, или Преодоление смерти // Назировский архив. 2013, № 1. С. 162. То же: <http://nevmenandr.net/nazirov/journal20131.php>

эксистенциалиста: «портрет, но не автопортрет!»⁴ Здесь же по-новому раскрыты особенности выражения авторской позиции по отношению к герою, в том числе через его «эстетическую инициативу».

Своими учителями Р. Г. Назиров (как он сам говорил) считал А. Н. Соколова, Г. А. Бялого, Б. Ф. Егорова, в научном плане ориентировался прежде всего на Александра Веселовского, Ю. Н. Тынянова и Ю. М. Лотмана⁵. Именно поэтому работы Р. Г. Назирова обнаруживают преемственную связь с русской формальной школой⁶. В круг его единомышленников входили Б. О. Корман, В. А. Зарецкий, В. А. Свительский, Г. К. Щенников и др. Чрезвычайно высоко оценивал работы Р. Г. Назирова Г. М. Фридлендер, выделяя его из современной когорты ученых-достоевсковедов.

Как справедливо отмечают ученики Р. Г. Назирова, его научная эволюция шла «от социально-исторического контекста — к истории литературной формы на фоне культурной традиции, и дальше — к пониманию и описанию базовых механизмов функционирования исторических метаморфоз литературы»⁷.

На протяжении жизни, как это видно по архиву ученого, в фокусе его интересов было, прежде всего, творчество Ф. М. Достоевского. «Достоевским начинается и заканчивается <...> научная жизнь» Ромэна Гафановича⁸. Одной из показательных работ в этом плане является вышедшая в 1982 году в Саратове монография «Творческие принципы Ф. М. Достоевского», остающаяся настольной книгой для многих исследователей благодаря целостному описанию художественного мира писателя: его пространственно-временных параметров, сюжетной типологии, системы образов, поэтики. Все это рассмотрено в единстве «содержательности художественных форм и историчности содержания у Достоевского»⁹. Многие фразы из этой книги стали буквально крылатыми: «Макар Деушкин — это гоголевский персонаж, который хотел бы, чтобы с ним обращались по-пушкински», или «Заветные идейки» подпольного человека с самого начала дискредитированы горизонтальной позицией апостола свободы и добра» и т. п. В научный обиход прочно вошли термины, введенные Р. Г. Назировым: «болево́й эффект», «сюжетная

⁴ См.: Назиров Р. Г. Творческие принципы Ф. М. Достоевского. Издательство Саратовского университета. 1982. С. 52. Некоторые положения названной диссертации вошли в эту монографию.

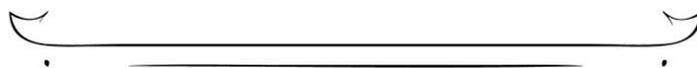
⁵ См. об этом в автобиографии ученого: Назиров Р. Г. Автобиография // Назировский архив. 2013, № 1. С. 137—139. То же: <http://nevmenandr.net/nazirov/journal20131.php>

⁶ См. об этом: Шаулов С. С. «История формализма в литературоведении» в контексте научной мысли Р. Г. Назирова (предисловие к публикации) // Назировский сборник: исследования и материалы. / под ред. С. С. Шаулова. Уфа: Изд-во БГПУ, 2011. С. 63—65. Шаулов С. С. Р. Г. Назиров и русский формализм: к проблеме источников индивидуального метода // Назировский архив. 2013, №2. С. 127—138. То же: <http://nevmenandr.net/nazirov/journal20132.php>

⁷ Орехов Б. В., Шаулов С. С. Р. Г. Назиров. Фабула о колдуне-предателе. Предисловие к публикации // Вопросы литературы. 2012. № 4. С. 59.

⁸ Шаулов С. С. «Назировский» Достоевский // Назировский сборник. С. 17.

⁹ Назиров Р. Г. Творческие принципы Ф. М. Достоевского. Издательство Саратовского университета, 1982. С. 4.

критика», «антигерой», «парфянская тактика Достоевского», «Наполеон из подполья» и др.

Во-вторых, Р. Г. Назирова занималась историей фабулы, преимущественно связанная с углублённым осмыслением произведений А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя, а также воспринявших их традиции И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова и других писателей. С блеском защищённая в 1995 году в Уральском государственном университете докторская диссертация «Традиции Пушкина и Гоголя в русской прозе. Сравнительная история фабул» ознаменовала возрождение на новом уровне и на новом материале традиции сравнительно-исторического изучения русской и мировой литературы, прежде всего ее фабульно-сюжетного репертуара. Здесь Р. Г. Назиров представил четкий терминологический инструментарий для описания «мирового древа» фабулистики.

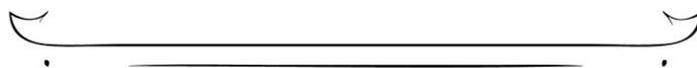
Так, фабула в его понимании — универсальный инвариант множества сюжетов, периодически реализующий себя в новых модификациях, изменяющихся в динамике их культурного восприятия и освоения. Основные положения этой фундаментальной работы нашли свое развитие в целом ряде кандидатских диссертаций, защищённых в последнее время учениками и последователями Р. Г. Назирова¹⁰.

Органичным продолжением опубликованных ещё при жизни ученого работ явился сборник его репринтных статей «Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход» (2005), посвящённый исследованию произведений В. Ф. Одоевского, А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, А. П. Чехова и других русских классиков в широчайшем культурном контексте. Показательна, например, статья, открывающая это издание: «Диккенс, Бодлер, Достоевский», в которой блестяще раскрыта роль мотива гибели женщины в сюжете «Приключений Оливера Твиста», в содержании стихотворения Бодлера «Мученица» и в развязке романа «Идиот».

Чрезвычайно высок теоретический уровень назировских штудий. Так, небольшая, на первый взгляд, статья «Равноправие автора и героя в творчестве Достоевского (к концепции полифонического романа)» существенным образом дополняет и корректирует всемирно известную концепцию М. М. Бахтина. Здесь оригинально рассмотрен «феномен соавторства автора и героя», которому, как пишет Р. Г. Назиров, «предшествовало в мировой литературе изображение мира как

¹⁰ Шишкина Е. В. Мотивы древнерусской литературы в творчестве Ф. М. Достоевского. Уфа, 1998; Камалова И. В. Изобразительность романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

Уфа, 2000. Евтушенко Э. А. Мистический сюжет в творчестве Ф. М. Достоевского. Уфа, 2002; Шаулов С. С. Структура романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: диахронический аспект. Уфа, 2004; Степанова Е. А. Кавказская фабула в русской литературе XIX–XX веков. Уфа, 2004; Жукова Ю. А. Наполеоновская фабула в произведениях Ф. М. Достоевского (от «Двойника» до «Преступления и наказания»). Уфа, 2007; Лаврентьева А. А. Фабула неравной любви в русской классической литературе: историко-типологический аспект. Уфа, 2010. Сюда же примыкает и диссертация Б. В. Орехова Принципы организации мотивной структуры в лирике Ф. И. Тютчева (2008), написанная и защищённая уже после смерти учителя, однако связанная с ним многими методологическими и концептуальными нитями.

иллюзии героя». Исследователь представляет его как «равноправного инициатора сюжета», заключая: «Достоевский путем крайнего попущения воле героя дискредитирует эстетическое жизнетворчество в его собственных глазах»¹¹.

В последние годы основной в научных изысканиях Р. Г. Назирова стала тема мифа, с максимальной широтой раскрытая в большой неопубликованной монографии «Становление мифов и их историческая жизнь». Тематически с ней связана посмертно изданная книга «О мифологии и литературе, или Преодоление смерти» (Уфа, 2010)¹². В неё вошли статьи, посвященные мифологии и фольклору и написанные, судя по всему, под непосредственным воздействием крупнейшего отечественного фольклориста Л. Г. Барага, долгие годы возглавлявшего кафедру русской литературы и фольклора БашГУ, на которой работал Р. Г. Назиров.

В этой большой книге миф и ритуал рассмотрены в качестве истоков нарратива. Концептуально значимой является, например, статья «Генезис и пути развития мифологических сюжетов», в которой дан сжатый, но яркий и насыщенный афористическими характеристиками обзор смены архаических фольклорных систем и их культурной актуализации в эпоху нового мифотворчества.

Сегодня труды Р. Г. Назирова стали мощным фундаментом для новых изысканий, которые ведут его ученики: В. В. Борисова, Р. Х. Якубова, Э. А. Евтушенко, Б. В. Орехов, С. С. Шаулов, М. С. Рыбина и др. Принадлежа к разным поколениям научной школы выдающегося ученого, они достойно пытаются развить его научные принципы и идеи в своих исследованиях.

Это, например, три наши работы, вышедшие в самое последнее время: учебные пособия «Малая проза Ф. М. Достоевского: принцип эмблемы» (2011 г.) и «Эмблематика Ф. М. Достоевского» (2012 г.), а также одноименная монография¹³. Большое внимание в них уделяется литературным произведениям из «Дневника писателя», которые действительно являются «лабораторией романиста, наглядно и рельефно обнажая его творческие принципы»¹⁴. В русле назировской теории фабулистики здесь рассматривается, к примеру, соотношение онирической фабулы и пророческого сюжета в «фантастическом рассказе» «Сон смешного человека».

На наш взгляд, малая проза писателя органически связана с проблематикой и типологией героев его «пятикнижия», но вместе с тем отличается от него характером типизации и принципами изображения»¹⁵. По словам Р. Г. Назирова: «Гений

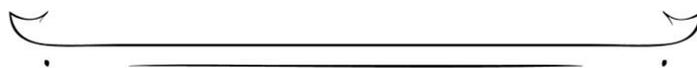
¹¹ Назиров Р. Г. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Уфа: РИО БашГУ. 2005. С. 144.

¹² Квалифицированная рецензия на нее дана Б. В. Ореховым: Р. Г. Назиров. О мифологии и литературе, или Преодоление смерти // Назировский архив. 2013, № 1. С. 161—165. То же: <http://nevmenandr.net/nazirov/journal20131.php>. См. также: Салова С. А. Преодолевающий смерть: о профессоре Р. Г. Назирове и его новой книге // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2011. № 1. С. 162—168.

¹³ Борисова В. В. Эмблематика Ф. М. Достоевского. Уфа: Изд-во БГПУ, 2013.

¹⁴ Там же. С. 10.

¹⁵ Борисова В. В. Малая проза Ф. М. Достоевского: принцип эмблемы. Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. С. 12.

Достоевского здесь раскрылся по-новому»¹⁶ — прежде всего в эмблематических образах, которые делают поэтику художника слова визуальной. Их много во всех литературных произведениях из «Дневника писателя»: это эмблема русского народа-богоносца в пасхальном очерке «Мужик Марей», эмблематический образ «твари дрожащей», эмблема «русского батыра» в очерке о Фоме Данилове, эмблема «общечеловека» и др. «Принцип эмблемы» реализуется и в других произведениях писателя¹⁷.

Несмотря на оригинальность подобного взгляда на особенности словесной образности у Достоевского концептуально они связаны с идеями Р. Г. Назирова,¹⁸ полагавшего, что многие «наглядные цитаты из фольклорно-религиозных, историко-легендарных и литературных традиций» имеют отношение к «эмблемам» или «аллегориям»¹⁹.

В двух монографиях С. С. Шаулова²⁰ также обнаруживается преемственная связь с методологической стратегией учителя, умевшего блестяще соединять литературный, исторический и философский контексты²¹. Эти работы опираются на сформулированный Р. Г. Назировым принцип взаимосвязи литературной и общественной жизни как диалогического, двунаправленного процесса, в полной мере раскрытого им в большой статье «Тургенев и Достоевский: вражда как сотрудничество»,²² в которой антагонизм двух писателей представлен объективно существующим культурным кодом, обогащающим наследие обоих. С. С. Шауловым эта «вражда» убедительно рассматривается в качестве ключа к интерпретации соответствующих текстов.

Данный подход в другом исследовании «Н. Н. Страхов как творец и персонаж

¹⁶ Там же.

¹⁷ Подробно об этих работах В. В. Борисовой см.: Жукова Ю. А. Р. Г. Назиров и его ученики — исследователи творчества Ф. М. Достоевского (обзор изданий, выпущенных достоевоведами г. Уфы за 2011 и 2012 годы) // Вестник ВЭГУ. 2013. № 1 (63). С. 204-210. Наша статья дополняет этот обзор другими изданиями, вышедшими уже в 2013 г.

¹⁸ См., в частности, такие его работы как: Жесты милосердия в романах Достоевского // Назиров Р. Г. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: Сборник статей. Уфа: РИО БашГУ, 2005. С. 125-133; Символизация реального // Достоевский. Эстетика и поэтика. Словарь-справочник. Челябинск: «Металл», 1997. С. 215-216; Фигура умолчания в русской литературе // Поэтика русской и зарубежной литературы: Сборник статей. Уфа: Гилем, 1998. С. 57-71; Специфика художественного мифотворчества Ф. М. Достоевского: сравнительно-исторический подход // Назиров Р. Г. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. С. 189 — 198; Равноправие автора и героя в творчестве Достоевского (К концепции полифонического романа) // Назиров Р. Г. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. С. 134-149.

¹⁹ Там же. С. 128.

²⁰ Шаулов С. С. Пушкинский праздник 1880 года: сюжеты и контексты. Уфа. 2011; Шаулов С. С. Н. Н. Страхов как творец и персонаж литературных контекстов: между Ф. М. Достоевским и Л. Н. Толстым. Уфа, 2011.

²¹ Показательной в этом плане является, например, следующая работа Р. Г. Назирова: Вражда как сотрудничество // Назиров Р. Г. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. С. 169-188.

²² Назиров Р. Г. Тургенев и Достоевский: вражда как сотрудничество // XX век. Литература. Стил. Вып. IV. Екатеринбург, 1999. С. 25-34.

литературных контекстов: между Ф. М. Достоевским и Л. Н. Толстым» демонстрируется на примере критика, занимавшего уникальное промежуточное положение между двумя гениями. Литературное и общественное поведение Н. Н. Страхова анализируется здесь в широком контексте культурных и философских традиций.

В монографии о Пушкинском празднике 1880 года это знаменательное событие рассматривается как точка сплетения многих литературных стратегий, на фоне которых и разворачивался полемический диалог Тургенева и Достоевского. Кроме того, на примере интерпретаций биографии поэта, предложенных Ю. М. Лотманом, раскрыто функционирование в XX веке культурных кодов, связанных с творчеством Пушкина.

Интересное продолжение получили идеи Назирова о способах взаимодействия художественного произведения и его литературного контекста в статье Б. В. Орехова «“Поминки” Тютчева. Реконструкция контекста», опубликованную в журнале «Russian Literature»²³. В этой работе виртуозно описаны сложные контекстуальные связи тютчевского текста (перевода из Шиллера) и принадлежащего В. А. Жуковскому перевода «Одиссеи» на фоне обстоятельств, формирующих общественный контекст. Попутно корректируется датировка текста Тютчева. Словом, это образец целостного структурно-исторического исследования художественного произведения именно в том виде, в каком это было близко Ромэну Гафановичу.

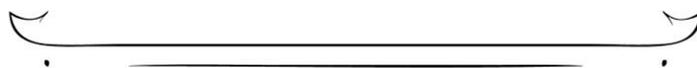
В русле идей Р. Г. Назирова о синтетическом характере художественности Достоевского написана монография Р. Х. Якубовой «Роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: искусство диалога и синтеза»²⁴ (Уфа, 2012). В ней идет речь о творческом переосмыслении автором великого «пятикнижия» предшествующего культурного материала, актуализации мифологических и сказочных архетипов, художественных стилей и направлений, образов культурных эпох. Много внимания уделено и творческому обращению Достоевского к фабульному репертуару русской и западноевропейской литературы. Поэтому не случайны здесь многочисленные ссылки на работы Р. Г. Назирова, продуктивное использование его классификации различных способов трансформации фабул. Сама идея синтеза представлена на примере романа «Подросток» как высшая форма диалога, в котором соединились искусство и действительность, книга и реальность, игра и жизнь, чужое и свое.

Кстати сказать, взгляд на творчество Достоевского как на искусство синтеза оказался наиболее перспективным. В полной мере он проявился в одноименной коллективной монографии, одним из главных участников которой был Р. Г. Назиров²⁵. Перу уфимского исследователя принадлежит самый большой раздел

²³ Russian Literature. 2008. LXIV (II). P. 215—227.

²⁴ Якубова Р. Х. Роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: искусство диалога и синтеза. Уфа: РИЦ БашГУ, 2012.

²⁵ См. его: Проблема художественности Ф.М. Достоевского // Творчество Ф.М. Достоевского:

в ней: по обилию концептуальных положений его можно назвать своего рода научной «энциклопедией». Он насыщен меткими и глубокими суждениями о взаимопроникновении и синтезе библейской риторики и вульгарной небрежности речи в художественном языке писателя, о поэтике символических жестов, запахов, красок, портретов, звуков и т.п. Каждое из этих положений сохраняет энергию развития, продолжая активно стимулировать научную мысль.

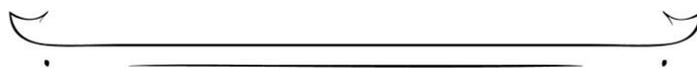
Поэтому, подводя промежуточные итоги деятельности назировской школы литературоведения, нельзя не сказать о ее перспективах, которые связаны, во-первых, с дальнейшей обработкой и публикацией архивного наследия ученого. Помимо монографии «Становление мифов и их историческая жизнь» ждет своей очереди огромный полный текст докторской диссертации Р. Г. Назирова «Традиция Пушкина и Гоголя в русской прозе: сравнительная история фабул», а также значительное количество других литературоведческих, исторических и культурологических работ, способных обогатить отечественную и мировую науку.

Такая работа требует еще и организационных усилий. В этой связи нам представляется необходимым отметить труды младшего поколения учеников Назирова. После смерти Ромэна Гафановича в уфимском научном пространстве возник вакуум, ощущение которого заставило их искать новые способы научного общения и самоопределения. Ярким событием нашей научной жизни стал организованный Б. В. Ореховым методологический семинар «Третье литературоведение» (2007—2010). Тематика его заседаний и общая нацеленность на поиск методологического синтеза и обязательную «сверку» теории с историей культуры опять же восходит к Назирову. В семинаре принимали участие не только уфимские ученые, но и литературоведы из других научных центров России. К сожалению, эта полезная и интересная площадка для научных дискуссий прекратила свое существование после переезда ее главного организатора в Москву.

Следует отметить, что Б. В. Орехов, не успев стать аспирантом Назирова, тем не менее, внес в дело увековечивания его памяти и популяризации его научного наследия один из самых весомых вкладов²⁶. Именно он осуществил первые архивные публикации из неизданного архива учителя, положив начало огромной и еще далекой от завершения работе, к которой чуть позже присоединились и другие назировские ученики младшего поколения. Зримым результатом их трудов стал «Назировский сборник», вышедший в 2011 году под редакцией С. С. Шаулова и основанный Б. В. Ореховым и С. С. Шауловым в 2013 году журнал «Назировский архив».

искусство синтеза. Екатеринбург: издательство Уральского университета. 1991. С.125-157. В числе авторов и ученицы Р.Г. Назирова: Борисова В.В. Синтетизм религиозно-мифологического подтекста в творчестве Ф.М. Достоевского (Библия и Коран). С. 63-89; Якубова Р.Х. Сюжетно-композиционное единство романов Ф.М. Достоевского. С. 157-182.

²⁶ К стати, свою первую крупную публикацию (Идеографический словарь языка французских стихотворений Ф. И. Тютчева. Уфа, 2004) Борис Валерьевич посвятил памяти учителя.

Назировская «школа» литературоведения, таким образом, приобрела постоянное пространство для осмысления наследия Ромэна Гафановича и для публикации материалов из его архива.

С концептуальной же точки зрения важнейшим для нас направлением дальнейшей работы является развитие следующих назировских идей:

— изучение творческого наследия Достоевского в методологической и концептуальной парадигме Р. Г. Назирова;

— уточнение фабульного репертуара русской прозы и сравнительно-исторический анализ ее фабул, захватывающий как классические, так и периферийные произведения русской и зарубежной словесности;

— исследования в области мифопоэтики, имеющие своим предметом не только литературные тексты, но и синтетические коды культуры и эстетически ориентированного поведения.

Все это, смеем надеяться, позволит представить научное наследие Р. Г. Назирова как актуальное явление отечественной и мировой науки.

